

О личности графа А. К. Толстого

*“У меня забилось и запрыгало сердце в рыцарском мире,
и я знаю, что прежде к нему принадлежал”*

(из письма А. К. Толстого к жене от 15 сентября 1867 года
о впечатлениях от старинного немецкого замка Вартбурга)

*Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути –
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робей,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!*

Август или сентябрь 1856 г.

Так что же это за голоса, говорившие с графом и звавшие куда-то? Попробуем разобраться в его корнях, в личности самого графа, во впечатлениях, которые он производил на окружающих.

Отзывы современников

“Нежность и деликатность настолько проникли всю его фигуру, что он похож был на красную девицу. Но в то же время граф А. Толстой отличался выдающейся силой – он скручивал винтом железную кочергу...”. Общительность и любезность сочетались в нём со склонностью к отчуждению, к отделению от толпы.

Князь А. В. Мещерский: “Подобной ясной и светлой души, такого отзывчивого и нежного сердца, такого вечно присущего в человеке высокого нравственного идеала, как у А. Толстого, – я в жизни ни у кого не видал”. “Его главною духовною стихией была свобода, опять-таки в идеальном значении этого слова...” Он же вспоминал о феноменальной памяти поэта – без единой ошибки цитировал на память целые поэмы Пушкина.

И. С. Тургенев (в некрологе А. Толстому): “...Все, знавшим его, хорошо известно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всяким добрым чувствам, готовая на жертвы, преданная до нежности, неизменно верная и прямая. “Рыцарская натура” – это выражение почти неизбежно приходило всем на уста при одной мысли о Толстом...”

Каким образом этот аристократ *по происхождению* становится аристократом *по духу*?

Предыстория

С материнской стороны род принадлежит к Разумовским, с отцовской восходит к Рюриковичам.

Прадед – гетман Украины **Кирилл Григорьевич Разумовский (1724-1803)**, по происхождению из черниговских казаков: появившись в Петербурге восемнадцатилетним казаком, в 1744 году получивший графское достоинство. Один из фаворитов будущей Екатерины II. Начинает своё образование в Петербурге, прозанимавшись год под руководством Г. И. Теплова

(как считали современники, побочного сына Феофана Прокоповича). Два года занятий в Кёнигсберге и Страсбурге, – и по возвращении в Петербург назначается президентом Академии наук.

1743-44 годы – член масонской ложи в Берлине. В 1744 году – член ложи Трёх братьев. В 1744 году участвовал вместе с братом Алексеем Григорьевичем в Елагинской Ложе Муз. Собрания – проходили в доме Е.П.Е. на Елагином острове (по субботам через неделю).

Жена – Ек. Ив. Нарышкина, фрейлина Елизаветы Петровны, родственница Романовых и одна из богатейших невест России. Оставил 9 детям более 37 тыс. крепостных. От одного из сыновей получил ответ, широко повторяемый современниками: “Между нами громадная разница: вы сын простого казака, а я сын русского фельдмаршала”.

В Москве наиболее известны – дом на Тверской, где позже разместился Английский клуб; подмосковная усадьба Петровско-Разумовское (многочисленные оранжереи, теплицы, огромные копаные пруды, парк с гротом). Г. И. Державин в караульных солдатах. Усадьбу унаследовал Лев Кириллович.

Первые двадцать лет царствования Александра I среди всего прочего могут считаться эпохой расцвета русского масонства. Одним из авторитетнейших людей в масонстве был дед Толстого и отец А. А. Перовского – граф *Алексей Кириллович Разумовский (1748-1822)*, старший сын Кирилла, (кстати, его брат Андрей перешел в католичество). Учился в Страсбургском Университете. В Италии отцом был оставлен на попечение И. И. Шувалова – основателя Московского Университета (1855 г.) и Академии художеств. В Англии стал другом Л. К. Сен-Мартена. *Московский* сенатор, Президент Академии наук. В 1807 году назначен попечителем М. Университета (после одновременного кураторства четверых попечителей – Голицина, Суворова, Кутузова и Ковалевского); с 1810 г. – министр народного просвещения. Особое увлечение садоводством в подмосковной усадьбе Горенки, его ботанический сад считался одним из чудес Москвы. Среди современников заслужил прозвище “русский Линней”.

Еще в начале царствования Екатерины II вступил в ложу «Capitulum Petropolitanum», относящуюся к масонскому ордену тамплиеров. Позже он отошел от активного масонства, но в первое десятилетие XIX века примкнул к новым московским мартинистам: О. А. Поздееву, П. И. Голенищеву-Кутузову и др.¹ И между тем вел обширную масонскую переписку, опубликованную А. А. Васильчиковым в книге о семействе Разумовских (том II).

Участие в ложах

XVIII век – *Петербург* (1770-1780-е годы). Ложа Муз (Елагина). Числилась в 1774 году под № 303 в списке лож, подчинённых Англии, и под №1 в списке русских.

Ложа Совершенного Союза. Работала с 1.06.1771 года по английской системе (у Н. И. Новикова названа “англицкой ложей”). Среди членов были и Елагин, и А. Р. Брюс.

Член Капитула Феникса – правления Великой Провинциальной ложи шведской системы (и Пётр Кириллович Р., Г. П. Гагарин, А. Б. Куракин).

XIX век – *Москва* (1806-1809). Ложа к Мёртвой голове. Собиралась в доме И. А. Поздеева, заседала в теоретическом градусе (и Лабзин, и Ключарев, и Сперанский). У Разумовского была теоретическая степень, одна из самых высоких.

Любопытно, что умер граф Разумовский в год упразднения масонства в России – 1822.

В связи с масонством интересны и ботанические пристрастия А. К. Разумовского, выразившиеся в его удивительных познаниях в ботанике и в разведении великолепных садов в имениях. Садоводство считалось занятием сродни алхимии.

---

¹ Васильчиков А. А. “Семейство Разумовских” Спб, 1880.

“Алхимия называлась так же *Небесным Земледелием*, а ее Адепты – *Земледельцами*”, – писал Фулканелли², – путем прививки диких побегов к благородным растениям садовод облагораживал “простую материю” так же, как алхимики пытались обратить простые металлы в благородные... Кроме того, “садоводство и масонство считались “королевским искусством”. У истоков того и другого был Бог как творец Эдема, как Великий Архитектор мира. И садоводы, и масоны полагали своим праотцом Адама: он возделывал первый сад, он же после грехопадения принес на землю остатки “света”, который исходил от дерева познания и который хотели распространять масоны”³. Между прочим Приап, античный хранитель садов, был и богом чувственной любви.

А. К. Разумовский женился на графине В. П. Шереметьевой – самой богатой невесте России, но прогнал жену, оставив при себе двоих сыновей и двух дочерей. Прижил с девицей Соболевской трёх дочерей и пять сыновей, дал им фамилию *Перовские* и в дальнейшем графский титул. Вполне возможно, что мезальянс графа с мещанкою Марией Соболевской тоже имел целью “облагородить простое”, о чем говорит судьба побочных детей Разумовского, и в их числе – второго сына Алексея Перовского, унаследовавшего и страсть отца к садоводству.

АЛЕКСЕЙ ПЕРОВСКИЙ (1787-1836)

Алексей Алексеевич Перовский родился в 1787 г. 1805 год – поступление в Московский Университет, который сумел окончить за два года и два месяца. При окончании университета для получения степени доктора философии и словесных наук им прочитаны полагавшиеся три лекции на русском, немецком и французском языках по *ботанике*. Ему тогда было двадцать лет.

Первый литературный опыт Перовского – перевод на немецкий язык повести Н. М. Карамзина “Бедная Лиза”. Знакомится с Жуковским и Вяземским, участвует в организации Общества любителей российской словесности при Университете, вступает в Общество испытателей природы. Участвует в войне в качестве штаб-ротмистра украинского казачьего полка на территории Польши под руководством *М. А. Дмитриева-Мамонова*.

Прожив два года в Германии и возвратившись в Петербург в 1816 году, А. П. поступил в Департамент духовных дел для иностранных исповеданий – под начало своего друга, Александра Ивановича Тургенева. Знакомится с К. Ф. Рылевым, В. К. Кюхельбекером, Н. И. Тургеневым, А. А. Дельвигом, Ф. Н. Глинкой, А. С. Пушкиным.

Пушкин

Василий Перовский. Эпизод с Пушкиным в Нижнем Новгороде.

Алексей Перовский. Рассказ из повести “Лафертовская Маковница” был напечатан в 1825 г. в приложении к журналу “Русский инвалид”. А. С. Пушкину произведение очень понравилось. “Душа моя, что за прелесть “Бабушкин кот”! я перечёл два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном (Аристархом) Фалалеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмурив глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?” – *Пушкин* – брату из Михайловского в Петербург, 27 марта 1825 г.

Пушкин, знавший Алексея П. с первых лицейских лет, но не знавший кто защищает, причем весьма остроумно, его “Руслана и Людмилу” от критики в “Сыне Отечества”, писал Н. И. Гнедичу 4.12.1820 из Каменки в Петербург, что “тот, кто взял на себя отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону), умнее всех их (критиков). А защитником оказался именно А. Перовский.

---

² Фулканелли “Тайны готических соборов”, Киев, 1996.

³ Свирида И.И. “Сады века философов в Польше” М., 1994.

Пушкин часто бывал у Перовского, читал у него “Бориса Годунова”. В 30-м году, начав издавать “Литературную газету”, Пушкин и Дельвиг пригласили А. П. сотрудничать в ней. Там были напечатаны отрывки из “Магнетизера”, чуть позднее – из романа “Монастырка”. Высоких отзывов заслужил его новый приключенческий (семейный) роман “Монастырка” (“*Вот настоящий и, вероятно, первый у нас роман нравов*”, – писал П. А. Вяземский, противопоставляя его сочинению Ф. В. Булгарина “Иван Выжигин”).

Именно у Перовского юный Толстой познакомился с Пушкиным.

Участие в ложах

Москва. Ложа Благословения (Счастья). Работала на французском языке на Пречистенке в доме Ник. Сер. Всеволожского (сейчас квартал от Пречистенки до Остоженки) с 1811 по 1816 годы. Впоследствии члены Ложи перешли в Орден Русских Рыцарей.

Петербург. Ложа Елизаветы к добродетели. Одна из самых многочисленных (до 674-х членов; братья Брюлловы; Дельвиг; Воейков; Ланской; Трубецкой С. П., Пушкины Василий и Сергей Львовичи). Членами были *Толстые Константин Петрович* и *Федор Петрович*, художник, гравёр, вице-президент Академии художеств – отец и дядя А. К. Толстого. Работала на немецком, затем на русском языке по шведской системе. Великий мастер с 30.01.1815 г. Вас. Вал. Мусин-Пушкин-Брюс. Перовский достиг 3-й степени масонства.

Дрезден. Немецкая Ложа (соединённых друзей) Трёх мечей (среди русских Новиков Мих. Ник.). 1814-1820. Перовский – 3 степень.

Творчество

Яркий поборник идей Просвещения, достойный продолжатель учителей-масонов. Любопытная подробность: после назначения его Николаем I членом Комитета по устройству учебных заведений, ему был направлен на отзыв доклад попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого о прекращении преподавания философии во всех учебных заведениях. В своей записке Перовский выступил в защиту философии и просвещения в целом, и вскоре поняв, что его мнение не соответствует взглядам высшей бюрократии, ушёл в отставку. В 1829 году Перовского избрали в члены Российской академии.

После смерти отца А. Перовский селится в Северной Черниговщине, сначала в Погорельцах, затем в усадьбе Красный Рог. Сюда забирает молодую сестру Анну с шестинедельным сыном Алешей. Анна в 16 лет вышла замуж за пожилого вдовца К. П. Толстого. Отношения в семье не сложились, в частности из-за свободолюбивого и независимого характера Анны – нрав матери послужил в дальнейшем причиной многих страданий сына. К тому же есть отзыв брата К. П. – Федора Петровича: “Анна Алексеевна слишком умна для брата, и ему не следовало жениться на ней”. Маленький Алёша стал средоточием любви к кругу родных. До 9-ти лет Алексей считал дядю отцом.

В Красном Роге Перовский для племянника сочинил повесть “Двойник или Мои вечера в Малороссии”, опубликованной под псевдонимом “Антоний Погорельский”. Это первая в русской литературе фантастическая повесть, очевидно, навеянная его увлечением немецким писателем-романтиком *Гофманом*, с которым он познакомился во время пребывания в Дрездене.

О мистических увлечениях Перовского говорит, прежде всего, его литературное наследие: повести “Двойник”, “Посетитель магика”, “Магнетизер”... Кроме того, А. К. Толстой, решивший в 1858 году поселиться в бывшем дядином имении Погорельцы, нашел там библиотеку, в которой, по его словам, “есть хорошие и редкие издания, как, например, большое описание Египта... и множество очень старинных книг о магии”. В связи со всем этим мы хотели бы

отвлечься на один момент, имеющий непосредственное отношение к воспитанию А. К. Толстого.

Повесть “Черная курица, или Подземные жители” (1-е изд. 1829 г.) написана была Перовским (Антонием Погорельским) для племянника. Но стоит внимательнее взглянуть в ее текст, и откроется весьма интересная символика.

Итак, начнем с псевдонима автора: Антоний Погорельский. Фамилия – производное от названия имения (как позднее первый псевдоним Толстого – Красногорский), имя же *Антоний* говорит и о великом отшельнике первых веков христианства, и о покровителе садов в католической традиции.

Название повести не оригинально. В XVIII веке во Франции имела хождение книга под названием “Черная курица, или курица, несущая золотые яйца, а также учение о талисманах и магических кольцах, искусство некромантии и кабалы, заклинания адских духов, эльфов, ундинов и гномов, сведения о тайных науках, помогающих отыскивать сокровища, обретать власть надо всеми существами, творить всякого рода колдовские обряды и действия и т. д., издано в Египте, в 740 году”⁴.

Таким образом, изначально Черная курица являет собой некий символ тайного знания. Кроме того, когда Чернушка в повести превращается в первого министра (быть может, это в каком-то смысле воспоминание об А. К. Разумовском, бывшем одно время министром народного просвещения при Александре I) – министр одет во все черное, а, согласно масонскому учению, черный цвет посвящен Христу и Хираму⁵.

Далее, если вспомним, Алеша, главный герой повести, несколько раз не может пробраться в подземное царство, потому что не следует советам Чернушки. Он тревожит волшебных стражей: кота, фарфоровых китайцев и, наконец, рыцарей. Но вот что получается, если сравнить текст А. Погорельского с беседой о 2-й степени масонского посвящения (по *Папюсу*): “Будучи учеником, вы совершили три путешествия. В первом – кругом вас царил беспорядок и вы преодолевали различные препятствия, во втором – тревожный лязг оружия поражал ваш слух и только после третьего путешествия вас озарил свет: вы увидели своих братьев в соборе и вооруженных, готовых помочь вам и защищать вас на новом пути, по которому вы следуете” (“*Черная курица*”: “В конце зала была большая дверь из светлой желтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря, ударили копьями о щиты и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья [...] вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться! “Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алеша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не серебряные, а золотые”, (здесь особенное внимание обращено на шандалы (или канделябры) потому, что они “символ духовного света и спасения”). ...Отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вышло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина, в нарядных разноцветных платьях.[...] Алеша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах...”

В современном словаре символов⁶ есть такие существа: “*Кабиры*. Символы бога земли, персонифицированные в малютках-карликах, чьи капюшоны делают их полностью невидимыми.[...] Вероятно, символизировали также сверхъестественные “силы”, хранимые в запасе человеческого духа”. Эти персонажи могли появиться у А. Погорельского и под влиянием Гете –

⁴ Стефанов Ю. Н. “Примечания”, М., 1981.

⁵ Папюс “Генезис и развитие масонских символов”, СПб, 1911.

⁶ Керлот Х. Э. “Словарь символов”, М., 1994.

они были знакомы. В “Фаусте” “кабиры олицетворяют стремление ввысь..., к недостижимому...”.

Герой сказки, конечно – Алеша, получает от короля маленьких людей конопляное семечко, которое помогает ему всякий раз знать урок. “Зерно” или “семя” означают “первоначало” или Мессию⁷. Согласно же масонской доктрине, “ученик будет распускающимся зерном”. И точно так же, как время ученика – это исход ночи и утро, а в “Черной курице” все путешествия в подземное царство проходят ночью и под утро заканчиваются.

В конце сказки Алеша из-за своей гордости и заносчивости теряет семечко, маленькие люди уходят в подземелья, а Чернушка оказывается в цепях. Развязка такого рода напоминает реальные события с неудачным вступлением в масонскую ложу самого Перовского. “Командор красного креста в капитуле рыцарей Востока и Иерусалима”, П. И. Голенищев-Кутузов писал А. К. Разумовскому из Москвы 16 апреля 1812 г.: “Ваш Алексей Алексеевич м.б. на меня гневается за то, что приписывает мне непринятие его в [“наш круг”]. Он ошибается. Никто более сего не желал как я, а от чего сие не сделалось, думаю к вам писано. Ал. Ал., быв у меня в доме всякий день и обещав писать, с отъезда своего писал ко мне одно письмо в 6-ти строках. Кто ж виноват? а я при всем том люблю его и желаю ему добра! Но ведаю, что за все добро он мне платит худо! Господь да простит ему и помилует его и наставит на путь правый”⁸. К слову, что Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767-1829) был в ту пору попечителем Московского университета, членом академии, поэтом и переводчиком – правда, врагом Н. М. Карамзина, поклонником которого был Перовский.

Весь этот поверхностный разбор – к тому, чтобы показать “изнанку” мира образов, в котором рос А. К. Толстой. В его окружении и дядя по отцу, известный художник Федор Петрович Толстой, с которым поддерживала отношения мать поэта, был масон и оформлял зал собраний польской ложи “Северный щит” (все в том же садово-парковом стиле)⁹.

Следует особо сказать, что в дворянских семьях никакого противоречия между масонской мистикой западного происхождения и православным укладом жизни не было. Например, отец известных славянофилов братьев Киреевских был англоманом, завел у себя в имении химическую (алхимическую?) лабораторию и на смертном одре призывал старшего сына заниматься “божественной наукой” – а “вместе с тем был очень набожен, ненавидел энциклопедистов и скупал в Москве сочинения Вольтера с тем, чтобы жечь их”¹⁰, дом содержал в патриархальном духе. Все это совсем не помешало М. О. Гершензону охарактеризовать его как человека “нравственно из одного куска”. Интересно, что фамильный могильник Киреевских – в Оптиной пустыни...

У Алексея Алексеевича Перовского видим подобный же душевный склад – увлечение западной мистикой он совмещал с полным пониманием задач нравственной и политической безопасности Российской империи. В 1826 году, будучи чиновником министерства просвещения, он подал министру Х. А. Ливену записку, в которой предупреждал об опасности влияния иллюминатов в России.

Подводя некоторый итог вышесказанному, можно сказать, что даже само имя – Алексей – оказалось довольно мистично для его жизни. Значение имени на древнегреческом – “защитник”, что как нельзя лучше соответствует рыцарскому призванию. Имя Алексей соответствует всей мужской линии материнской родни – и дядя, наиболее близкий Алёше человек, был Алексеем Алексеевичем, и дед был назван Алексеем в честь другого прадеда Алексея Григорьевича Разумовского.

---

⁷ Генон Р. “Символы священной науки”, М., 1997.

⁸ Васильчиков А. А.

⁹ Свирида И. И.

¹⁰ Гершензон “Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого”, М., 1989.

В русской культуре с именем Алексей связано устойчивое словосочетание “человек божий”. Это приводит к другому наиболее известному нам Алёше – Алёше Карамазову, носителю идей именно Третьего Завета. Как известно, для Федора Михайловича Достоевского это имя было драгоценно – так звали его собственного любимого и рано потерянного сына, родившегося в 1875 году, за полтора месяца до смерти А. К. Толстого (вспомним здесь и ещё об одном потерянном ребёнке Достоевского – дочери Софии).

По замыслу автора, Алёша Карамазов был рождён где-то в 1852-53 году, что опять-таки дало мне возможность связать эту дату с появлением толстовского произведения, с которого мы начали свой экскурс “*Меня, во мраке и пыли досель влачившего оковы...*”. Не эта ли воплощённая в слово идея Толстого заставила откликнуться сердце “всемирно чуткого” Достоевского?

И ещё любопытная ассоциация. Лежащее в основании рода Разумовских само понятие *Разум* (а ведь простой казак Григорий, отец Алексея и Кирилла, имел прозвище именно Розум) с течением времени получило ещё и драгоценную добавку в виде *Пера* (от Перовских, и к тому же получившего предварительную обработку-отточку ещё и у Алексея Алексеевича), и в конце концов привело к появлению в роду гениально одарённого мастера слова и духа.

Канва жизни АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО и его духовная биография

Итак, Алексей Перовский стал воспитателем и первым учителем племянника. Обладая феноменальной памятью, мальчик быстро выучился читать и писать на русском, французском и немецком языках, а с шести лет пробовал сочинять стихи. Мальчик получил прекрасное домашнее образование, обучаясь латыни, английскому, французскому, немецкому, итальянскому языкам, литературе и истории, занимаясь живописью и музыкой.

По ходатайству дяди Вас. Перовского и по рекомендации В. А. Жуковского, занимавшегося образованием наследника престола Александра Николаевича, будущего императора, были избраны “товарищи по занятиям” цесаревича (И. Виельгорский, А. Паткуль) и “товарищи для игр” (А. Адлерберг, А. Барятинский и восьмилетний Алексей Толстой).

С детства Алексей много путешествовал с матерью и дядей по Италии и Германии. В Германии Перовские были приняты при высочайшем дворе; особенно врезался в память мальчика эпизод с посещением Гёте в Веймаре. *Из Италии он вывез чувство осознания своей принадлежности к рыцарской культуре.* “Из Венеции мы поехали в Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь, - и в каждом из городов рос во мне мой энтузиазм и любовь к искусству, так что по возвращении в Россию я впал в настоящую “тоску по родине”, в какое-то отчаяние, вследствие которого я днём ничего не хотел есть, а по ночам рыдал, когда сны меня уносили в мой потерянный рай”, пишет он в автобиографии. В Италии состоялось его знакомство с другом дяди Карлом Брюлловым, полюбившем мальчика и написавшем позже его юношеский портрет.

Страницы его дневника, относящиеся к 1831 году, когда ему было неполных 14 лет, поражают столь же зрелыми суждениями, сколь и обширными, в особенности для подростка познаниями в истории, искусстве и архитектуре.

Весной 1834 года Алексей поступил в число так называемых “*архивных юношей*” в Московский *архив* Министерства иностранных дел, где укрепилась его тяга к литературе и истории. Он служил и в русской миссии при германском сейме во Франкфурте на Майне, и в канцелярии Его Императорского Величества.

Во время коронации в 1856 году Александр II назначил Толстого флигель-адъютантом, а затем, когда Толстой не захотел остаться в военной службе, егермейстером.

Муза

Блестящий одарённый аристократ не был обделён вниманием женщин, и в ранней молодости делал попытку связать свою жизнь барком. Но его молодая мать – Анна Алексеевна – была натурой деспотичной и на редкость ревнивой. Ни о каких посторонних женщинах не могло быть и речи. Но в январе 1851 года в жизнь 34-летнего Алексея входит *Любовь*, ставшая судьбой. Музой Алексея Толстого на всю жизнь стала Софья Андреевна Миллер, урождённая Бахметьева. Начиная с их встречи на балу (вспомните “Средь шумного бала”), на протяжении четверти столетия эта незаурядная женщина была “лирической героиней” и самым главным собеседником Толстого.

Судьба её сложилась необычно, и это во многом определило своеобразие её личности, поведения и мироощущения, что по-своему отразилось в любовной лирике Толстого.

В записках С. П. Хитрово, её племянницы и воспитанницы, есть строки: «...По всем рассказам видно, что с ранних лет Софа (так в семье Толстого стали называть Софью Андреевну для отличия от двух девочек, тоже названных Софиями) была не по годам умна и развита и всегда выделялась и всегда выделялась от других умом и обаятельностью. – Когда ей было пять лет, бабушка возила всех детей в Саровскую пустынь на благословение к о. Серафиму, и когда он всех перекрестил и благословил, то перед младенцем Софьей он опустился на колени и поцеловал её ножки, предсказывая ей удивительную будущность. – Мы, дети, видели и понимали, что все в доме обожают Софу, и что она всегда, везде и для всех первый человек, и мы слепо верили, что лучше её на свете нет, и так, всю жизнь, она стояла для нас лучезарнее и выше всех...».

Блестяще образованная, знающая 14 языков, некрасивая, но обладающая секретами обаятельности, вечно грустная (даже смех её “и грустный, и звонкий”), Софья Андреевна в юности пережила глубокую внутреннюю драму. Её брат Юрий, дравшийся на дуэли с князем Григорием Вяземским из-за её любовной истории, был убит, и у неё на всю жизнь выработался комплекс вины.

Если не касаться этих фактов биографии С.А., то невозможно почувствовать некий особый “нерв” толстовской любовной лирики.

*Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил и слезами твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой протрадал я минувшие годы,
Всё переживал вместе с тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий;
Дороги мне твои слёзы и дорого каждое слово!
Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры;
Рано познала ты горе, обман и людское злословье,
Рано под тяжестью бед твои преломились силы!
Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мне, деревцо, к зелёному вязу;
Ты прислонися ко мне, я стою надёжно и прочно!*

21 октября 1851 г.

Если в литературе духовно-нравственный облик А. К. Толстого установился уже довольно прочно, то в отношении Софьи Андреевны литературные свидетельства менее согласованы. Дадим снова слово тем, кто знал её лучше, её воспитанникам. Судьба сложилась так, что своих детей в семье Толстых не было, но они взяли на воспитание четверых детей оставшегося вдовцом младшего брата Софьи Андреевны – Петра Андреевича Бахметьева. Софья Петровна Хитрово, сама ставшая незаурядной личностью и предметом многолетнего поклонения

Вл. Сергеевича Соловьёва, вспоминает, что в основном и существенном супруги на протяжении целой четверти века были всегда согласны между собой, и притом не слепо, а совершенно сознательно. В этих записках супруги являются вполне достойными друг друга. Софья Андреевна обладала тонким литературным вкусом и в этом отношении была чрезвычайно самостоятельна; она далёко не всё одобряла в стихах своего избранника, а он очень дорожил её мнением (хотя чаще всего оставался при своём). Но всё и всегда у этой необыкновенной пары освещала любовь, не утратившая свежести и силы и 20 лет спустя после первой встречи. «... Толстой и Софа были для меня недостижимым идеалом доброты, от них всё исходило для меня, они мне давали ответы на все мои сомнения и стремления; я признавала, что я не только люблю, но и боюсь их, и вместе с тем я вложила в них всё моё доверие, всё моё сердце, все мои идеалы, помимо них ничего не могло существовать для меня. – Иногда характер Толстого, неровный и вспыльчивый, пугал меня, но уверенность в его дружбе и любви ко мне была непоколебима. <...> Но стоило Софе словом отмахнуть от него весь наплыв ежедневных дрызг и осветить своим всепонимающим и всепрощающим умом его растревоженную душу, и он возвращался с молодыми, чистыми силами. – Страдание, зло, боли, печали не имели власти над бодростью и чистотой его духа».

И ещё – стихотворение, посвященное Софье Андреевне, но и послужившее истоком для поисков неземных образов Вечной Женственности Вл. Соловьёва и А. Блока:

*С тех пор как я один, с тех пор как ты далёко,
В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственной духовная твоя.*

*Сестра моей души! с улыбкою участия
Твой тихий кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне.*

*О, если в этот час ты также им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной?
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой?*

1858 г.

Вместе Алексей Константинович и Софья Андреевна смогли поселиться лишь в 1858 году после смерти Анны Алексеевны Толстой-Перовской, а обвенчались они в 1863 году в Лейпциге. Совместная уединённая и творческая жизнь в имении Погорельцы под Петербургом, использование соединённой воедино из разных усадеб огромной библиотеки привело Толстого к качественной трансформации мировоззрения, в частности к переходу от православия к усиленным размышлениям духовного характера. Само его творчество явилось для него диалогом с Творцом и Его созданием. Толстой – редкий для второй половины прошлого века художник, сумевший найти для ключевых коллизий эпохи гармоническое решение. Драматическая для большинства его современников коллизия красоты и религии, воспринимавшаяся сквозь призму столкновения греха и святости, у Толстого решается на удивление легко: и то, и другое для него – нерасчленимый светлый образ, “источник сильный, который мир бы напоил водой целебной и обильной”.

Православие оставляло его внутренне свободным – свободным и от обрядовой церковности, и от официального патриотизма.

Настрой православный не исчез, но в связи с толстовским увлечением спиритизмом и обладанием библиотекой совершенно определенного характера переменял форму, подпал, как это называется в православии, “духовной прелести”.

Алексей Толстой не был атеистом, но, признав за собою власть высшего начала – Искусства, незадолго до смерти писал Александру II, обвиняя русское духовенство и чиновничество в разрушении прекрасных древнерусских церквей: “На моих глазах, Ваше Величество, лет шесть тому назад снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, она рухнула на мостовую, как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, настолько прочна была кладка, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую церковь... Я назову ещё три здания в Москве, за которые всегда дрожу, когда еду туда (прелестная церковь Спаса в Паутинках на Дмитровке, церковь Грузинской божьей матери, Крутицкие ворота)... И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство – отъявленный храм старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своём консерватизме и косо по части идей, настолько оно усердно по части истребления памятников. Что пощадили татары и огонь, оно берётся уничтожить...”

“Рыцарь российской словесности”

*“Его поэзия - ступень к познанию русской классики,
она врата в ее великое государство.
Во вратах долго не задерживаются, но мимо них не пройти”.*

Несмотря на то, что почти половина сочинений А. К. Толстого (более 130) поется на музыку Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Балакирева, Рахманинова, Листа и многих других; несмотря на то, что почти все читали Козьму Пруткова, в сочинениях которого Толстой принимал участие, – несмотря на все это, поэта Толстого мы знаем очень и очень плохо. Если его и считают поэтом второго плана, то нужно учитывать то, что в богатейшей русской поэзии России *этот план головокружительно высок.*

В русской общественной и литературной жизни 50-60-х годов XIX столетия А. К. являлся одной из самых гармоничных личностей, с наиболее выраженными качествами рыцаря. Он был и отчаянным борцом за Истину и справедливость, и примером благородства и свободолюбия, и менестрелем, всю жизнь воспевавшим и боготворившим одну Прекрасную Даму, и поэтом, державшим стяг во имя Красоты (как сам он охарактеризовал себя за месяц до кончины) – все эти качества нашли завершение и воплощение в *творчестве.*

*С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикосанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.*

Тонкий лирик, автор замечательных поэм, мастер сатиры и юмора, Толстой является создателем и крупнейшим представителем *национальной (в духовном и идеологическом значении этого слова!) поэзии.* Не срифмованных лозунгов и манифестов, а именно поэзии, действующих на людей культурных куда сильнее манифестов и лозунгов, тем более, что сам Толстой был противником политизированного искусства. Видимо, именно идеологические воззрения А. К. Толстого и стали причиной такого забвения его творчества.

Поэзия для него, по удачному слову Владимиру Соловьёву, – “выражение истины”, которой он рыцарски служил, а истина неотделима от веры. Также Соловьёву принадлежит определение Толстого как “поэта мысли воинствующей”.

Особенность Толстого-поэта в подчёркнутой оригинальности литературно-общественной позиции. Блистательный вельможа XIX века, личный друг Александра II, он вдруг сразу же после коронации нового царя оставил военную службу, карьеру, государственную деятельность, чтобы отдаться любимому делу – служению искусству.

В личной жизни своей А.К. представлял собой редкий пример человека, который не только всячески уклонялся от шедших ему навстречу почестей и ласки, но ещё и выдерживавший крайне тягостную для него борьбу с людьми, от души желавших ему добра и предоставлявших ему возможность продвигаться во всех сферах общественной жизни.

Для примера: о нём, заболевшим тифом под холерой во время его попытки принять участие в боевых действиях в Крымской войне, Государю по несколько раз в день телеграфировали о состоянии его здоровья. И необыкновенно мягкий и нежный, он должен был собрать весь запас энергии, чтобы отказаться от близости к Государю. Ведь одно время Толстой поколебался: ему показалось привлекательным быть при Императоре, как он выразился в письме Государю, “бесстрашным сказителем правды”, – но просто придворным Толстой быть ни за что не хотел. В его переписке ясно отразилась удивительно-благородная и чистая душа поэта.

*Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студёную воду,
В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною не доброе дело!
Буду кипеть, негодую, тоской и печалью,
Всё же не стану блестящей холодною сталью!*

Август или сентябрь 1856 г.

В письме к царю с просьбой об отставке поэт пишет: “Служба и искусство несовместимы. Одно вредит другому...”. Чуть ниже в письме Толстой рассуждает о том, что у него остается возможность служить государю и отечеству по-своему: “Говорить во что бы то ни стало правду и это – единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира”.

Вспоминается Пушкин с его камер-юнкерством, с гордой формулой “...истину царям с улыбкой говорить”. Да и вообще нечто пушкинское по характеру, в своих масштабах, разумеется, есть в творчестве и жизни Алексея Толстого. Прежде всего, понятия *о чести, независимости, сознание достоинства*, к которому обязывает звание русский литератор. Недаром его любимые герои – князь Репнин, князь Серебряный, воевода Иван Петрович Шуйский – *люди рыцарского склада, чести и слова, Донкихоты русской истории*. Они гибнут, но не предают своих убеждений, не расстаются со своими благородными представлениями о человеке.

Любопытно сопоставить позиции Пушкина и Толстого. Положение Пушкина в отношении “вольности” было достаточно трагичным. В молодости, не обладавший достаточной материальной независимостью, он лавировал между жесткими требованиями свободы и осторожностью, диктуемой прагматичностью. Вспомним, какие уроки “вольности” ему преподавали Чаадаев и Н.Тургенев, Радищев и братья по ложе “Овидий” – блестящие офицеры. В последних строчках, адресованных Николаю, он выражает сожаление о своём уходе, “а то был бы весь твой...”.

Если Пушкину приходилось вырабатывать ориентацию в отношении политических проблем, то Толстой все силы (и могучие!) бросал на разрешение этических проблем и выработку высоконравственных категорий. Рыцарский меч Толстого прежде всего разил формализм, косность, тупость, схоластику (в том числе и религиозную), скудность духа, в том числе и у людей, власть предрежащих. Одним из самых главных врагов для него была деградация духа.

Творчество Толстого пришлось на период, когда литературная жизнь находилась на рубеже перехода от “эпохи простодушия” (Пушкин, Лермонтов, Гоголь) к эпохе разночинцев,

“Современника”, Некрасова. Высочайший градус духовности начала века снизился (отчасти это связано с “постдекабризмом” и правлением Николая Палкина) и в обществе возникла реакция не только в лице Герцена, Огарева и Чернышевского, но и в виде так называемого “авангарда”, замаскированного бунтарства со стороны аристократов. Трое богатых, удачливых, обласканных жизнью красавцев – А. К. и его двоюродные братья Алексей и Владимир Жемчужниковы – едко высмеивают расцветающие при Николае I бюрократизм и пошлость, начав с чудачеств, смешных и будто бы безобидных, и только позднее оформив их текстами (а это уже жанр, жанр социальной сатиры).

Чего стоит одна только речь министра из “Сна Попова”!

*Нет, господа! России предстоит
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться вид,
Который называется присушим
Всем временам; и став на свой гранит,
Имушим, так сказать, и неимушим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?*

Его “Козьма Прутков” из литературной шутки, из пустяка вдруг стал действующим лицом литературной и даже общественной жизни.

Славянофилы отталкивали его своей дерюжной правдой. Всякие либералы и революционеры, “прогрессисты”, как Толстой называл их с издёвкой, вызывали у него неприятие такой силы, что оно едва не переходило в ненависть. С годами у него крепло чувство отчуждения, противопоставленности всему, что окружало его.

Толстого несправедливо порою называли писателем тенденциозным. Одна тенденция, правда, была ему всегда близка: в литературе и жизни поэт всегда защищал и отстаивал гонимых и страдающих. Его тенденцией была *человечность*.

Он, не принимавший крайностей того движения, которое в 60-е годы называлось общим словом “нигилизм”, после выхода в свет романа “Отцы и дети” пишет жене: “Если бы я встретился с Базаровым, я уверен, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить”. Тем не менее, на борьбу с этим “ученьем грязноватым” Толстой призывал “Пантелея-целителя”. Это уже не добродушная теория над материалистами, которые цветы в садах хотят заменить репой и полагают, что соловьёв “скорее истребити за бесполезность надо”, а рощи обратить в места, “где б жирные говьяда кормились на жаркое” и т.д. Его Козьма Прутков говорил: “Нигилисты же хлопчут, / Чтоб мы сделались скотины”.

К этим словам надо вспомнить, что именно он, граф Толстой, заступался перед царем за Чернышевского, взгляды которого на политику и на искусство были чужды ему, что именно он сыграл, может быть, решающую роль в освобождении из ссылки Шевченко.

Не занимающий позиций ни славянофилов, ни западников тех лет, он писал:

*Двух станю не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обеими - досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь...
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чьё б ни стал я знамя:
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!*

Истина, как он ее понимал, была ему дороже дружбы, положения, кастовости.

Кстати, он полемизировал и с Ф. И. Тютчевым. Не идеализируя крестьян и их быт, в ответ на тютчевское *“Эти бедные селенья, Эта скудная природа”* он написал в феврале 1869 года:

*Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь Небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.*

*Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали –
Нам на то благословенье
Царь Небесный дал едва ли!*

*Мы беспечны, мы ленивы,
Всё у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы –
Этим нечего хвалиться!*

Его литературная слава и нежелание принимать ту или другую сторону в писательском мире вызывали раздражение некоторых критиков. Толстой иронизировал: *“...В то время как журналы клеймят меня именем ретрограда, власти считают меня революционером”*.

Сочинения Толстого всё более восстанавливали против него Александра II. Царь советовал шефу корпуса жандармов обратить особое внимание цензуры на поэму *“Иоанн Дамаскин”*. Письма Толстого тайно просматривались жандармами. А.К. говорил о себе в 1868 году: *“Я терпеть не могу деспотизм... Я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но что общего у монархии с личностями, носящими корону?”*

В 1859 году Толстой уехал во Францию, затем провёл лето в Англии, где встречался с А. И. Герценом, Н. П. Огарёвым, И. С. Тургеневым. В 1861 году его новое прошение об отставке было удовлетворено.

Толстой был одним из основателей Литературного фонда по оказанию помощи писателям и учёным. Он был избран членом Общества любителей российской словесности. 23 декабря 1873 года его избрали в члены-корреспонденты Академии наук по отделению русского языка и словесности (в один день с Л. Н. Толстым). Кстати: есть суждения современников, что Лев Николаевич, его троюродный брат, не любивший творчества А. К., списал с него образ Вронского как внешне (*“Он славный, славный малый...”*), так и в связи с любовной историей. Но считал его неправильным (*Wгong англ. – “неправильный”*).

В лирике граф А. К. Толстой представитель позднего романтизма, уже лишённого своей цельности и внутренне противоречивого. Ему присущ изящный артистизм: богатство интонаций и лёгкая смена облика, органика метаморфозы раннего поэта-пророка в молодого *“охальника”*, восприимчивого к мистике художника и осторожного майора. Смена масок, если правомерно назвать эти образы масками, сочетается с удивительным постоянством мировосприятия, с верностью поэта самому себе.

Одна из характеристик Толстого, которая не вызывает никаких сомнений у самых разнообразных критиков его творчества, это то, что он *поэт-живописец*.

*Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук.
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук...*

Восприимчивость поэта к природе такова, что он ощущает, слышит, осязает её буквально всем существом. “Жгучий” – осязательное ощущение, “звук” – слуховое. В “пахучей” – обонятельное. “Блестящий” – зрительное. Такое в стихах редкость. В случае с толстым можно ругаться: да, он видел розу с уснувшим в ней блестящим жуком.

Человек у Толстого не просто “часть природы”, он как бы перетекает в неё, а она в него. Острою секирой раненная береза, скорее всего, не берёза, а раненная человеческая душа, и т.д. Любовь к природе у Толстого можно понимать и как любовь к красоте, и как ощущение того божественного начала, которое скрыто в творении Творца.

Масштаб знаний русской истории. Значимость поднимаемых тем

Воззрения А. К. Толстого проявились в его *исторических былинах, балладах и песнях*. Герои русских былин в изображении Толстого напоминают французских рыцарей (Алёша Попович). Даже героем его наиболее известного и любимого шедевра “Колокольчики мои, цветики степные...” является богатырь времени Переяславской Рады (1654 г.), скачущего в столицу с вестями о послых Украины. Именно этот богатырь просит прощения у колокольчиков: “...Я бы рад вас не топтать, / Рад промчатся мимо, / Но уздой не удержать / Бег неукротимый!” Толстому особенно близка была эта тема, потому что речь пришла о его родной земле – Черниговщине.

Дебютировал Толстой именно стихотворениями в народном стиле, которые особенно понравились в московском славянофильском кружке. Алексей Хомяков отозвался о его стихотворениях “Спесь” и “Колокол” в том духе, что “после Пушкина мы таких стихов не читали...” (из письма А. И. Кошелева).

*В колокол, мирно дремавший, с налёта тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от неё разлетелись осколки;
Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодую, гудя и на бой созывая.*

Не этому ли произведению мы обязаны названием газеты А. И. Герцена, издававшейся в Лондоне с 1857 года?

Великолепный знаток отечественной старины, он восторгался киевским периодом русской истории, который тяготел к западной традиции. Из письма к своему другу Марцевичу: “Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению. Когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов до проклятой Москвы, ещё более позорной, чем сами монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом”. Сравните с пушкинской фразой из письма к жене.

Особое внимание А. К. Толстого привлекало наше средневековье – *наш XVI век*. “Тенденций я не придерживаюсь, это вам известно, но бывают тенденции невольные, и я собираюсь написать несколько баллад из нашего *европейского* периода, так туда сердце и тянет...”¹¹

Толстой почитал идеалом Русской государственности Киевский период, видя в нем сочетание монархических и народоправных начал, сильной власти и широких прав подданных, от-

¹¹ Из письма Б. М. Марцевичу от 7 февраля 1869 г.

сутствия жестких “классовых” различий и сословной структурированности общества. То есть Толстой был, по существу, единственным представителем *политического* (поэт Толстой!), т.е. приспособленного к жизни, *консерватизма*, в отличие от чисто идеологического консерватизма тогдашних славянофилов. Неудивительно, что признание творчества Толстого, о котором почти забыли на десять лет после его смерти, пришлось именно на правление Императора Александра III – первого русского националиста на троне.

Сам граф А.К. до этого, к сожалению, не дожил.

Этому периоду в жизни России им посвящены былины и поэмы. Главные герои – *богатыри* (те же рыцари), защищают справедливость и Истину на родной земле. “Змей Тугарин”, Образ крылатого змея есть и в поздней поэме “Дракон. Рассказ XII века (с итальянского)”. “Поток-богатырь”.

Его справедливо можно назвать *рыцарем-утопистом*, мысливший порою так реально и одновременно всегда вздыхавший о золотых временах домонгольской Руси, жизни, не искаженной якобы тогда тиранией и борьбой за власть.

Особенно его интересовал образ Ивана Васильевича Грозного. Прежде всего надо оговорить тот факт, что Толстой несколько предвзято подошёл к образу Ивана Грозного. Следуя за Карамзиным, Толстой и образ Ивана, и изображение опричнины пронизаны ненавистью автора к деспотизму, произволу, насилию, унижению человеческого достоинства. “При чтении источников, пишет Толстой в предисловии к пьесе, – книга не раз выпадала у автора из рук, и он бросал перо в негодовании не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования”.

Его “*Князь Серебряный*” можно назвать “Айвенго отечественной прозы”. Роман был напечатан в 1862 году, сурово встречен критикой, но быстро завоевал читателей и при жизни писателя выдержал три издания.

“*Василий Шибанов*” (1840-ые). В основе лежит реальные исторические события. Князь Андрей Курбский (1528-1583), сбежавший от “немилоостей” царя Ивана в Литву, затеял с ним переписку. Курбский и Грозный дискутировали по вопросам политического устройства страны. Курбский, отстаивая сословную монархию, изложил свои взгляды в двух “Эпистолиях” к царю и в “Истории о великом князе московском”. Царь отвечал знаменитыми “Посланиями”, в которых энергично и последовательно обосновывал принцип централизации и единодержавия.

За границей Курбский значительно пополнил своё образование, выучив, например, латинский язык, с тем, чтобы познать “разумы высочайших древних мужей”. Среди них на первое место он ставил Аристотеля и византийца Иоанна Дамаскина. Его трактаты “Диалектика” и “Богословие” Курбский перевёл на русский язык, снабдив обширными сказами” – собственными комментариями историко-философского содержания. В “сказах” Курбский сообщал русскому читателю, впервые получившему подобное пособие, об учениях древних (Парменида, Платона, Аристотеля), а также излагал собственные размышления по философским вопросам. С именем Курбского связаны первые шаги в разработке русской философской терминологии, предпринимавшиеся ещё еретиками. Вот список некоторых терминов: “вразумление” – познание, “уподобление” – мерило, “якость” – качество, “ипостас” – состав, “стихия” – элемент. Он внёс немало новшеств в существующую систему школьного обучения. В созданном приходском училище в Литве кроме обычной грамоты он ввёл преподавание языков (в том числе древних), а также риторики, пиитики, диалектики и богословия. Иными словами, в Могилёве, Львове, Минске, Бресте Курбский создал прообраз среднего звена учебных заведений.

А. К. Толстой, оставляя в стороне существо спора и поднимая лишь тему *этическую*, оставил лишь эпизод о том, как Курбский первый раз прислал с гневным письмом к Ивану Грозному своего преданного слугу. Писателя волнует лишь страшная судьба Шибанова, который пожертвовал жизнью, преданно выполняя прихоть своего господина. В этой балладе опоэтизирована и возведена на уровень высокого героизма рабская преданность и покорность.

Курбский в своих сочинениях поведал о гибели князя М. Репнина. Толстой написал и на эту тему стихотворение – “*Князь Михайло Репнин*”.

Невозможно не вспомнить, что и в области *русской исторической драмы* Толстому принадлежит одно из первых мест; возможно, он уступает одному Пушкину. Его знаменитая трилогия о психологических позициях трёх персонажей охватывает конец XVI – начало XVII веков.

Можно говорить, что венцом трилогии является срединная её пьеса – “*Фёдор Иоаннович*”. Её разрешили ставить только в конце 1890-х годов, и успех её был небывалым в летописях русского театра.

Здесь хочется отметить следующий эпизод. Есть, несомненно, что-то близкое между образом Фёдора и князем Мышкиным. Это особенно, интересно, поскольку произведения были задуманы и написаны одновременно (“Царь Фёдор Иоаннович” несколько раньше), и нельзя говорить о воздействии образа Мышкина на героя Толстого. Но современники это очень явно почувствовали. Когда актёру П. Н. Орленеву скоро после его исключительного успеха в роли Фёдора принесли инсценировку “Идиота”, он решительно отказался играть: “боялся повторить в князе Мышкине царя Фёдора – так много общего у них”.

Для Толстого это был удивительно благодатный материал. Так же как в “Дон-Жуане” мешала противоположность между психологией автора и страстным темпераментом героя, так и родственность душевных настроений внесла чрезвычайную теплоту в изображение Фёдора Иоанновича. Желание отказаться от блеска, уйти в себя так знакомо было Толстому, бесконечно-нежное чувство Фёдора к Ирине так напоминает любовь Толстого к жене. Толстой понял по-своему совсем иначе освещённого историей Фёдора и нарисовал нам человека отнюдь не слабоумного, лишённого духовной жизни человека, а с задатками благородной инициативы, могущей давать ослепительные вспышки.

Среди драм можно также выделить его драматическую поэму “*Дон Жуан*”, которую он задумал как произведение лирически-философское. Этому много раз использованному в мировой литературе образу Толстой попытался дать своё оригинальное истолкование. И оно удалось, однако стоит отметить, что спокойный, добродетельный и почти “однолюб” Толстой не мог проникнуться психологией вечно ищущего, безумно-страстного дон Жуана. Дон Жуан не был в его глазах безбожником и развратником, не был и насквозь “земным” Дон Гуаном пушкинского “Каменного гостя”, хотя в отдельных местах пьесы совпадения с Пушкиным совершенно очевидны. Пьесу эту автор посвятил памяти *Моцарта и Гофмана*. По словам Толстого, Эрнст Теодор Амадей Гофман, рассказ которого о Дон Жуане написан в виде впечатлений от музыки Моцарта, первый увидел в Дон Жуане “искателя идеала, а не простого гуляку” (письмо к Марковичу от 20 марта 1860 г.). Темой бесконечного поиска романтического идеала любви, романтического томления по чему-то недостижимому и неясному и бесконечного разочарования Толстой сблизил Дон Жуана с Фаустом. Особенно в прологе и в образе Сатаны несомненно влияние “Фауста” Гёте.

Алексею Толстому, выросшему в благоприятной атмосфере свободы, не пришлось её завоевывать. Он с детства являл собой образ “Рыцаря духовной свободы”, поэтому в своём творчестве он сосредоточил своё внимание на проблемах внутренней свободы.

Его жизненное кредо выразилось в жемчужине его лирики – в поэме “*Иоанн Дамаскин*”...

История. Иоанн Дамаскин – один из отцов церкви, её духовных столпов, живший в VII веке. Он был ученым-энциклопедистом, первым систематизатором православного вероучения, а также духовным песнотворцем (скончался около 749 г.). Иоанн Дамаскин явился так же и одним из главных защитников иконопочитания.

*Он тот певец, меж всеми знаменитый,
Что разогнал иконоборства тьму,
Чьим словом ложь поправа и разбита...*

Иоанну Дамаскину принадлежат два сочинения, посвященных основным логическим понятиям и категориям – это “Первое установление” и “Философские главы”, более известные под названием “Диалектика”.

Не только в Византии, но и во всей средневековой христианской культуре Востока и Запада “Диалектика” пользовалась огромным авторитетом; долгое время она оставалась основным учебником логики.

В Древней Руси это научное произведение по своему значению, объему, степени распространения стояла на первом месте. “Диалектика” явилась итогом многовекового развития логической мысли в Византии. Все важнейшие особенности развития древнерусской научной мысли – в первую очередь с формальной, выразительной стороны – могут быть прослежены на этом переводном памятнике византийской и славяно-русской книжности. Эта книга знакомила читателей с сочинениями Аристотеля, философа-неоплатоника Порфирия (III в.), ученика Плотина, крупнейшего комментатора Аристотеля александрийского философа, ученик Прокла, Аммония Ермия.

В поэме фабула такова.

В порабощённом Дамаске (отсюда и прозвище) Иоанн единственный из христиан был приближённым дамаского правителя и отпросился у него на волю.

*Вошел правитель Иоанн
В чертог Дамасского владыки:
“О, государь, внимли! мой сан,
Величье, пышность, власть и сила -
Все мне несносно, все постыло.
Иным призванием влеком,
Я не могу народом править:
Простым рожден я быть певцом.
Глаголом вольным Бога славить.
...О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле...”*

Вдохновенный певец удалился от блеска двора и нищим странником скитался и славил Христа, а затем нашел пристанище в христианском монастыре, чтобы отдаться внутренней духовной жизни (вот этот апофеоз свободы и любви к жизни и взял Чайковский для своего всемирно известного романса). Суровый игумен, для полного смирения внутренней гордыни, запрягает предаваться поэтическому творчеству; стихи, искусство – дело суетное, а нужно молиться, поститься и смиряться, не помышляя о красоте жизни. Запрет лёг тяжким бременем на душу Иоанна, он покорился наставнику и отрешился от творчества. Положение высоко-трагическое, но заканчивается компромиссом: игумену является Богоматерь-заступница, и после видения, игумен разрешает продолжать творить песнопения.

Дамаскíну, бывшему любимому “рабу” дамасского калифа, свобода именно дарована. Он её не завоевал, а вымолил. Но Толстой любит своего героя, объясняя, что унижение унижению рознь.

*Ты, что молитвою влеком,
Высокий сердцем, духом нищий,
Живущий мыслью со Христом,
Ты, что пророческого взора
Пред блеском мира не склонял, -
Испить ты можешь без укора
Весь унижения фиал!*

Интересна трактовка Толстым библейского выражения “*нищие духом*”. Здесь – это тот, кто духовно пожелал стать нищим, взалкал нищету, предпочтя её богатству (калиф предлагал ему полцарства, но он отказался и ушёл прочь с посохом и сумой). Возможно, он нищ духом ещё и в том смысле, что, владея высочайшей духовной ценностью – необыкновенным даром слова, он не вправе воспользоваться этим даром.

В поэме есть вставка (7 глава), написанное гекзаметрами и явно отсылающее к другому перлу Толстого – “*Тщетно, художник, ты мнишь, что творений создатель...*”, созданное за два года до этой поэмы. Поэтому мы вправе говорить, что Толстой особенно бережно вынашивал мысль о божественной природе творчества.

С полным правом его можно назвать русским человеком европейской культуры. А. К. Толстой обладал аристократически врожденным чувством долга и чести, и в эпоху жестокой общественно-литературной борьбы он отстаивал свою, не абсолютную, конечно, во многом наивную, но благородную платформу.

Перенося тяжелейшую болезнь в течение нескольких последних лет, предчувствуя свою близкую кончину и подводя итог всей своей литературной деятельности, Толстой осенью 1874 года (за год до смерти) написал стихотворение “Прозрачных облаков спокойное движенье”. Необыкновенно происхождение этого шедевра. Слово самому автору (из письма к княгине К. Сайн-Витгенштейн, 17 февраля 1875 г., Флоренция):

«...Что касается моих литературных занятий, увы! – они не существовали за эти последние два года. Я едва мог написать письмо, – и то каких усилий мне это стоило! Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу вам рассказать: во время моей большой болезни в деревне, так как я не мог ни лечь, ни спать сидя, я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, когда вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание.

Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал; бумага лежала передо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке, окружающей меня не изменилось, – а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моём стихотворении. Я начал искать, переворачивать все мои бумаги, и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что писал *бессознательно*, а вместе с тем мною овладела какая-то мучительная боль, которая состояла в том, что я непременно хотел вспомнить что-то, хотел удержать какую-то убегающую от меня мысль.

Это мучительное состояние становилось так сильно, что я пошёл будить мою жену ... – тогда равновесие установилось. Стихотворение, которое я написал совершенно бессознательно (*nicht unverschämt, sondern undereut* {не без стыда, но не раскаяваясь}), недурно и напечатано в январской книжке этого года «Вестника Европы». Оно начинается следующими словами: «*Прозрачных облаков спокойное движенье*»...Во всяком случае, это – явление патологическое, довольно странное. Три раза в моей жизни я пережил это чувство – хотел уловить какое-то не-

уловимое воспоминание – но я не желал бы ещё раз пройти через это, так как это чувство очень тяжёлое и даже страшное. В том, что я написал, есть какого-то рода предчувствие – близкой смерти. Но, как видите, это не сбылось, что доказывает ещё раз, что нельзя верить предчувствиям. Я далеко от всяких мрачных мыслей, и мне хочется петь тра-ла-ла!..»

Граф А. К. Толстой умер через полгода, 27 сентября 1875 года.

*Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольню я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
Всему настал, покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?*

И. Сушкова
2011 г.

Союз рыцарства и красоты, которыми пронизано творчество Алексея Константиновича Толстого, не мог не принести своих метафизических плодов в виде ауры, в которой расцвела софиология, учение о Софии Премудрости Божьей.